

**Конвенция против пыток и
других жестоких, бесчеловечных
или унижающих достоинство
видов обращения и наказания**

Distr.: General
14 June 2019
Russian
Original: English

Комитет против пыток

**Решение, принятое Комитетом в соответствии
со статьей 22 Конвенции, в отношении
сообщения № 729/2016* ****

<i>Сообщение представлено:</i>	И.А. (представлен адвокатом Йоханом Лагерфельдом)
<i>Предполагаемые жертвы:</i>	автор сообщения и двое его детей
<i>Государство-участник:</i>	Швеция
<i>Дата сообщения:</i>	26 января 2016 года (первоначальное представление)
<i>Справочная документация:</i>	решение в соответствии с правилами 114 и 115 правил процедуры Комитета, препровожденное государству-участнику 10 февраля 2016 года (в виде документа не издавалось)
<i>Дата принятия решения:</i>	23 апреля 2019 года
<i>Тема сообщения:</i>	депортация в Российскую Федерацию; право на жизнь; угроза применения пыток
<i>Процедурный вопрос:</i>	недостаточная обоснованность жалобы
<i>Вопрос существа:</i>	угроза для жизни или угроза применения пыток и унижающего достоинство обращения в случае депортации в страну происхождения (запрет принудительного возвращения)
<i>Статья Конвенции:</i>	3

1.1 Заявитель И.А. является гражданином Российской Федерации 1980 года рождения, который подает жалобы от своего имени и от имени двух своих несовершеннолетних детей М.А. и А.А. Он утверждает, что в случае его высылки в Российскую Федерацию государство-участник нарушит его права и права его детей, предусмотренные в статье 3 Конвенции. Заявитель представлен адвокатом.

* Принято Комитетом на его шестьдесят шестой сессии (23 апреля – 17 мая 2019 года).

** Следующие члены Комитета участвовали в рассмотрении данного сообщения: Эссадия Бельмир, Абдельвахаб Хани, Клод Эллер Руассан, Йенс Модвиг, Ана Раку, Диего Родригес-Пинсон, Себастьян Тузе и Хунхун Чжан.

1.2 10 февраля 2016 года Комитет, действуя через своего Докладчика по новым жалобам и временным мерам, обратился к государству-участнику с просьбой воздержаться от высылки автора сообщения до завершения рассмотрения его жалобы.

1.3 В своей вербальной ноте от 1 ноября 2018 года государство-участник просило Комитет отозвать свою просьбу о принятии временных мер. 18 марта 2019 года Комитет, действуя через своего Докладчика по новым жалобам и временным мерам, постановил оставить в силе свою просьбу о принятии временных мер.

Факты в изложении автора

2.1 С 1996 года заявитель проживал в селе Ассиновская в Чечне. В 2007 году его двоюродный брат Т.К. вступил в ряды чеченских повстанцев, и заявитель время от времени помогал ему едой и одеждой. В один из дней в 2007 году в дом заявителя ворвались люди в камуфляжной одежде, которые пытались похитить его, но мольбы его жены остановили их. В 2009 году Т.К. убил местного милиционера в городе Грозном, а затем покончил с собой. Некоторое время спустя двое мужчин пришли к заявителю домой посреди ночи и ранили его ножом. Когда его семья проснулась, они сбежали. Вскоре после этого заявитель узнал, что семья полицейского, убитого его двоюродным братом, объявила «кровную месть». Вместе со своим отцом он пытался добиться примирения, но безуспешно. Заявитель не обращался к властям, поскольку знал, что они не будут принимать никаких мер.

2.2 Заявитель не указывает дату своего прибытия в Швецию. Он обратился с просьбой о предоставлении убежища 2 сентября 2013 года. В своем ходатайстве о предоставлении убежища он утверждал, что не может переехать в Российскую Федерацию, поскольку семья полицейского, убитого его двоюродным братом, имеет связи в полиции и может найти его в любом месте, а также потому, что у него нет родственников в других районах Российской Федерации. В своем ходатайстве о предоставлении убежища заявитель также пояснил, что в прошлом он помогал своему двоюродному брату, давая ему продукты питания и одежду для мятежников.

2.3 12 сентября 2014 года Шведское миграционное агентство отклонило ходатайство заявителя. По мнению Агентства, заявителю угрожает кровная месть и он не может обратиться к чеченским властям. Вместе с тем Агентство пришло к выводу, что, будучи жертвой кровной мести, заявитель не подпадает под определение беженца, содержащееся в Законе об иностранцах, которое соответствует определению в статье 1А Конвенции о статусе беженцев и распространяется на негосударственных субъектов. Оно также сочло, что, поскольку заявитель не представляет интереса для властей, он может переехать в один из небольших прибрежных городов Российской Федерации, таких как Мурманск, Саратов, Волгоград или Самара. 16 марта 2015 года Суд по миграционным делам отклонил апелляцию заявителя и оставил в силе решение Миграционного агентства. 11 мая 2015 года Апелляционный суд по миграционным делам отказал заявителю в праве на обжалование решения суда по миграционным делам.

Жалоба

3. Заявитель утверждает, что его депортация в Российскую Федерацию нарушит его права, предусмотренные статьей 3 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, поскольку ему лично будет угрожать опасность подвергнуться преследованиям, пыткам и жестокому обращению после возвращения. Автор утверждает, что ему угрожает опасность по причине объявленной ему кровной мести и его связей с чеченскими повстанцами.

Замечания государства-участника в отношении приемлемости и существа сообщения

4.1 В вербальной ноте от 1 июля 2016 года государство-участник представило свои замечания относительно приемлемости и существа сообщения, напомнив также о фактах дела и представив выдержки из соответствующего внутреннего

законодательства. Государство-участник сообщает, что дело заявителя рассматривалось в соответствии с положениями Закона об иностранцах 2005 года. После изучения обстоятельств дела власти государства-участника пришли к выводу, что заявитель не доказал, что нуждается в защите.

4.2 Государство-участник представляет переведенные материалы шведских миграционных властей, с тем чтобы объяснить основания для принятия государством-участником решения о высылке заявителя. Выводы подтверждают, что заявитель не нуждается в защите и может быть выслан в Российскую Федерацию. Заявитель обратился с ходатайством о предоставлении убежища 2 сентября 2013 года, и 12 сентября 2014 года его ходатайство было отклонено. Это решение было обжаловано в суде по миграционным делам, который 16 марта 2015 года отклонил апелляцию. 11 мая 2015 года Апелляционный суд по миграционным делам отказал ему в праве на апелляцию, и решение о высылке заявителя вступило в законную силу.

4.3 5 июня 2015 года автор сообщения заявил в Шведском миграционном совете, что для исполнения решения о его высылке существуют некоторые «препятствия», и просил пересмотреть его дело. 21 июля 2015 года эта просьба была отклонена. Впоследствии Миграционное агентство обсудило с заявителем возможность добровольного возвращения его самого и его детей. В соответствии с положениями статьи 22 (1) главы 12 Закона об иностранцах постановление о высылке утрачивает силу 11 мая 2019 года. Поэтому для государства-участника крайне важно, чтобы Комитет принял решение по данному делу до мая 2019 года.

4.4 Государство-участник не оспаривает, что заявитель исчерпал все внутренние средства правовой защиты. Однако заявитель не смог в достаточной степени обосновать свои утверждения, и поэтому его жалоба должна быть признана неприемлемой в соответствии с пунктом 2 статьи 22 Конвенции.

4.5 Касаясь существа сообщения, государство-участник поясняет, что при рассмотрении данного дела оно проанализировало общую ситуацию с правами человека в Российской Федерации, и в частности степень личной опасности для заявителя подвергнуться пыткам в случае его возвращения в страну. Государство-участник отмечает, что бремя представления убедительных аргументов в подтверждение того, что ему угрожает предсказуемая, реальная и личная опасность подвергнуться пыткам, лежит на самом заявителе¹. Кроме того, хотя при оценке степени риска применения пыток должны приниматься во внимание факторы, выходящие за рамки одних чисто умозрительных предположений, не следует брать за основу критерий высокой степени вероятности.

4.6 Что касается нынешнего положения с правами человека в Российской Федерации, особенно на Северном Кавказе, государство-участник осведомлено об этой ситуации и ссылается на последние доклады, например Международной кризисной группы², организаций «Международная амнистия»³, «Хьюман райтс уотч»⁴ и других. Вкратце в докладах говорится, что за последние два года уровень насилия на Северном Кавказе существенно снизился. Многие радикальные группировки перебрались из Российской Федерации в Ирак и Сирийскую Арабскую Республику. Хотя масштабы насилия сократились, нарушения прав человека все еще имеют место. Правоохранительные органы несут ответственность за насильственные исчезновения, незаконные задержания, пытки и жестокое обращение с задержанными.

4.7 Государство-участник делает вывод, что нынешняя ситуация в Российской Федерации в целом не такая, что существует общая необходимость в защите просителей убежища из этой страны, хотя оно «не желает недооценивать» законную обеспокоенность по поводу положения в области прав человека на Северном Кавказе.

¹ Государство-участник ссылается, в частности, на сообщение № 178/2001, *X.O. против Швеции*, (A/57/44), пункт 6.12.

² «The North Caucasus Insurgency and Syria: An Exported Jihad?», 16 March 2016.

³ «Russian Federation» in *Amnesty International Report 2015/16: The State of the World's Human Rights* (London, 2016).

⁴ «Russia» in *World Report 2016: Events of 2015* (New York, 2016).

Однако нынешней ситуации, характеризующейся недостаточным соблюдением прав человека, самой по себе недостаточно, и заявитель должен продемонстрировать личную и реальную опасность подвергнуться обращению, противоречащему статье 3 Конвенции.

4.8 Государство-участник отмечает, что несколько положений Закона об иностранцах отражают принципы, содержащиеся в статье 3 Конвенции, и таким образом при рассмотрении ходатайств о предоставлении убежища власти государства-участника оценивают опасность применения пыток на основании тех же критериев. В соответствии со статьями 1–3 главы 12 Закона об иностранцах просители убежища не могут быть возвращены в страну, если имеются разумные основания полагать, что там им будут угрожать смертная казнь, телесные наказания, пытки или иные унижающие достоинство виды обращения и наказания.

4.9 Миграционное агентство провело многочисленные устные собеседования с заявителем и его детьми. Вводное собеседование было проведено 3 сентября 2013 года. 4 октября 2013 года Агентство провело еще одно собеседование с заявителем и «родительскую» беседу с заявителем и двумя его детьми, посвященную главным образом детям. 10 октября 2013 года состоялось еще одно интервью, продолжавшееся почти четыре часа. В соответствии со статьей 10 главы 1 Закона об иностранцах особое внимание уделялось «здоровью и развитию» и обеспечению наилучших интересов детей. Заявитель был представлен государственным защитником и общался через переводчика. Заявителю была также предоставлена возможность тщательно изучить и прокомментировать письменные записи всех бесед.

4.10 Поэтому государство-участник утверждает, что и Миграционное агентство, и Суд по миграционным делам располагают достаточной информацией для проведения обоснованной, транспарентной и разумной оценки рисков. Государство-участник хотело бы напомнить, что, согласно сформулированному Комитетом замечанию общего порядка № 1 об осуществлении статьи 3 в контексте статьи 22, должное внимание должно уделяться выводам по фактической стороне дела, сделанным соответствующими органами государства-участника.

4.11 Государство-участник отмечает серьезные противоречия в представленных заявителем сведениях. Например, он заявил, что последний раз имел контакт с чеченскими властями в 2007 году. Однако в суде по миграционным делам он заявил, что после его отъезда из Российской Федерации власти вызвали его на допрос, угрожали его жене и отобрали у нее проездные документы. В своем заявлении в Миграционное агентство от 5 июня 2015 года он указал, что разговаривал со своим отцом по телефону и что впоследствии его отец подвергся нападению со стороны сотрудников полиции, которые подожгли дом его отца. Однако заявитель не представил никаких документов, подтверждающих эти утверждения. К ходатайству о предоставлении убежища была приложена копия справки от 10 декабря 2014 года, в которой говорилось, что заявитель объявлен в розыск в Чечне из-за его связей с незаконными вооруженными повстанцами, которым он оказывал помощь с 2012 по 2014 год. Однако сам заявитель сообщил, что в 2008 году он помогал только своему двоюродному брату и что его двоюродный брат был убит в 2009 году.

4.12 В своем представлении Комитету заявитель утверждает, что именно мольбы его жены помешали сотрудникам правоохранительных органов забрать его. В своих предыдущих показаниях Миграционному агентству заявитель говорил, что его потенциальное похищение сотрудниками правоохранительных органов остановила его мать. Таким образом, противоречия в словах заявителя и запоздалое представление дополнительных документов заставляют сомневаться в общей достоверности его показаний.

4.13 Что касается утверждений об угрозах со стороны родственников погибшего сотрудника полиции, государство-участник подтверждает, что никто не оспаривает тот факт, что национальные власти не могли обеспечить заявителю защиту от кровной мести в Чечне. Поэтому необходимо оценить, является ли для заявителя «разумным и целесообразным» искать внутреннее убежище в другом районе его страны происхождения. Заявитель утверждает, что он будет зарегистрирован местными

властями в любой точке Российской Федерации и что у него нет родственников за пределами Чечни. Заявитель представил письмо Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ) от 4 февраля 2011 года, в котором отмечается, что вопрос о возможности найти убежище внутри страны должен в каждом конкретном случае рассматриваться отдельно с учетом обстоятельств соответствующего дела. По их оценке, для чеченских просителей убежища, спасающихся от преследований, возможности найти убежище внутри страны следует считать отсутствующими.

4.14 Государство-участник отмечает, что предполагаемая угроза для заявителя исходит от негосударственных субъектов. Согласно статье 1 Конвенции, пытка означает сильную боль или страдание, причиняемые государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия. Таким образом, угрозы со стороны негосударственных субъектов не относятся к сфере действия статьи 3 Конвенции⁵. Заявитель утверждает, что у него имеются подозрения, что, поскольку покойный являлся сотрудником полиции, власти также причастны к угрозам в его адрес и в адрес его семьи. В то же время при оценке степени риска применения пыток должны анализироваться основания, выходящие за пределы одних лишь умозрительных предположений или подозрений⁶. Подозрения заявителя недостаточны для того, чтобы утверждать, что его высылка в Российскую Федерацию будет представлять собой нарушение Конвенции.

4.15 Государство-участник напоминает о решении Комитета в деле, в котором заявитель не смог доказать невозможность жить, не подвергаясь угрозе пыток, а также не смог обосновать утверждение о наличии для него лично в настоящее время реальной и предсказуемой опасности подвергнуться пыткам⁷. Хотя переселение в пределах страны происхождения может быть сопряжено для заявителя и его семьи с трудностями, это само по себе не равнозначно пыткам. Необходимо определить те районы страны, которые можно считать безопасными для возвращения заявителя.

4.16 Возможность найти убежище внутри страны является признанным международным и национальным принципом. Согласно шведскому миграционному законодательству, такая альтернатива должна быть «уместной» в том смысле, что проситель убежища должен иметь доступ к эффективной защите в том районе страны, который не является для него родным и куда он возвращается. Кроме того, расчет на переезд человека должен быть «разумным». В свете соответствующей информации шведские миграционные власти пришли к выводу, что заявитель может зарегистрироваться в другом районе Российской Федерации, где есть возможность найти работу и посещать школу, и что нет никаких оснований полагать, что в случае возвращения в такие районы Российской Федерации он столкнется с чрезмерными трудностями.

4.17 Кроме того, государство-участник отмечает, что письмо, полученное заявителем от УВКБ, относится к 2011 году, и утверждает, что в последние годы ситуация существенно изменилась и что люди с Северного Кавказа все чаще переезжают в другие районы Российской Федерации. Что касается утверждения заявителя о том, что власти найдут его, даже если он зарегистрируется в другом районе Российской Федерации, государство-участник утверждает, что заявитель не представил убедительных доказательств того, что со стороны чеченских властей для него существует «личная и реальная угроза».

4.18 Заявитель не смог доказать, что имеются веские основания полагать, что в случае возвращения в Российскую Федерацию он столкнется с личной, предсказуемой и реальной опасностью подвергнуться пыткам. Поскольку жалоба заявителя не

⁵ Государство-участник ссылается на дело *Г.Р.Б. против Швеции* (CAT/C/20/D/83/1997), пункт 6.5.

⁶ Государство-участник ссылается на дело *А.Б. против Швеции* (CAT/C/54/D/539/2013), пункт 7.9.

⁷ Государство-участник ссылается на сообщение *Б.С.Ш. против Канады* (CAT/C/32/D/183/2001), пункт 11.5.

подкрепляется минимально необходимыми доказательствами, данное сообщение следует объявить неприемлемым как явно необоснованное.

Комментарии заявителя к замечаниям государства-участника

5.1 Отвечая на замечания государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения, заявитель утверждает, что, вместо того чтобы рассматривать его по существу, государство-участник выдвигает аргументы, исходя из того, что срок высылки заявителя истечет после 11 мая 2019 года. Если бы государство-участник провело надлежащее расследование в соответствии со своим собственным законодательством, этот вопрос был бы решен в пользу заявителя и не находился бы на рассмотрении Комитета.

5.2 Государство-участник само признало, что правоохранительные органы Российской Федерации прибегают к насильственным исчезновениям, незаконным задержаниям, пыткам и другим видам жестокого обращения. Однако затем оно почему-то игнорирует свои собственные выводы. Государство-участник придает большое значение противоречиям в показаниях заявителя. Эти противоречия незначительны и легко объяснимы травмой, полученной в ходе контактов заявителя с властями. Согласно Международной статистической классификации болезней и связанных с ними проблем со здоровьем, посттравматическим стрессовым расстройством могут страдать до 80% беженцев.

5.3 Что касается представленной заявителем справки о том, что он находится в розыске, указывая на то, что она представляет собой простой клочок бумаги, государство-участник игнорирует тот факт, что именно так выглядят справки в Российской Федерации. Что касается отсутствия документов, подтверждающих нападение на отца заявителя, то общеизвестно, что такие нападения практически никогда не становятся предметом официальных жалоб, подаваемых властям.

5.4 Позиция УВКБ заключается в том, что попытка найти убежище в другом районе или переселиться в другой район страны не является для чеченцев альтернативой, поскольку они регулярно подвергаются дискриминации в других районах Российской Федерации. Несмотря на эту информацию, государство-участник настаивает, что заявитель имеет возможность найти убежище у себя в стране, что может быть квалифицировано как «отказ в правосудии» со стороны государства-участника. Кроме того, хотя государство-участник заявляет, что ему необходимо лишь определить те районы для переселения внутри страны, которые были бы безопасными для заявителя, оно не делает этого. Оно утверждает, что письмо УВКБ устарело, но не представляет никакой информации о том, изменило ли УВКБ свою позицию.

5.5 Государство-участник далее утверждает, что боль и страдания угрожают заявителю от рук негосударственных субъектов. При этом государство-участник не желает видеть того, что, поскольку такая опасность вызвана убийством сотрудника полиции, государственного служащего, этот аргумент неприменим. Кроме того, в Российской Федерации подобная практика всегда осуществляется при молчаливом попустительстве, если не с явного согласия властей.

5.6 Заявитель считает, что он продемонстрировал опасность подвергнуться преследованиям, пыткам или жестокому или унижающему достоинство обращению и что эта опасность является личной, предсказуемой и реальной, и поэтому его высылка в Российскую Федерацию будет являться нарушением статьи 3 Конвенции.

Дополнительные замечания государства-участника

6. В вербальной ноте от 1 ноября 2018 года государство-участник подтвердило свою предыдущую позицию и просило как можно скорее рассмотреть настоящее сообщение, заявив, что 11 мая 2019 года истекает срок высылки заявителя. Если в Миграционную службу будет подано новое заявление, оно будет рассматриваться заново и может быть обжаловано в миграционном суде и в Апелляционном суде по миграционным делам. Таким образом, по истечении срока действия постановления о высылке жалоба заявителя станет неприемлемой в силу исчерпания внутренних средств правовой защиты.

Комментарии заявителя к дополнительным замечаниям государства-участника

7. Заявитель отвергает аргумент, который приводит государство-участник, настаивая на скорейшем рассмотрении сообщения. Главным в данном деле должен быть поиск справедливого решения для заявителя, и государству-участнику следовало должным образом изучить его утверждения. Заявитель надеется, что в случае подачи нового ходатайства о предоставлении убежища, оно будет рассмотрено более тщательно; однако до тех пор временные меры следует оставить в силе.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

8.1 Прежде чем приступить к рассмотрению жалобы, содержащейся в сообщении, Комитет должен установить, является ли она приемлемой в соответствии со статьей 22 Конвенции. В соответствии с пунктом 5 а) статьи 22 Конвенции Комитет удостоверился в том, что этот же вопрос не рассматривался и не рассматривается в рамках какой-либо другой процедуры международного разбирательства или урегулирования.

8.2 Согласно пункту 2 b) статьи 5 Факультативного протокола, Комитет не рассматривает никаких сообщений от лиц, пока не удостоверится в том, что данное лицо исчерпало все доступные внутренние средства правовой защиты. Комитет отмечает, что в данном деле государство-участник не оспаривает того, что заявитель исчерпал все доступные внутренние средства правовой защиты. В связи с этим Комитет считает, что ничто не мешает ему рассмотреть данное сообщение в соответствии с пунктом 5 b) статьи 22 Конвенции.

8.3 Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что сообщение является явно необоснованным и, следовательно, неприемлемым согласно пункту 2 статьи 22 Конвенции. Комитет считает, что в связи с данной жалобой возникают важные вопросы, затрагивающие статью 3 Конвенции, которые следует рассмотреть по существу. Поскольку Комитет не видит никаких других препятствий для признания приемлемости, он объявляет сообщение, представленное в соответствии со статьей 3 Конвенции, приемлемым и приступает к его рассмотрению по существу.

Рассмотрение сообщения по существу

9.1 В соответствии с пунктом 4 статьи 22 Конвенции Комитет рассмотрел настоящее сообщение в свете всей информации, представленной ему сторонами.

9.2 В данном случае перед Комитетом встает вопрос о том, станет ли возвращение заявителя и его детей в Российскую Федерацию нарушением обязательства государства-участника по статье 3 Конвенции не высылать или не возвращать («refouler») какое-либо лицо в другое государство, если существуют серьезные основания полагать, что ему может угрожать там применение пыток.

9.3 Комитет должен определить, имеются ли серьезные основания полагать, что по возвращении в Российскую Федерацию применение пыток будет угрожать заявителю лично. При оценке такой опасности Комитет должен принять во внимание все относящиеся к делу обстоятельства, вытекающие из пункта 2 статьи 3 Конвенции, включая существование постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека. Вместе с тем Комитет напоминает, что такая оценка имеет своей целью установить, угрожает ли лично данному лицу предсказуемая и реальная опасность применения пыток в стране, в которую он или она подлежит возвращению. Из этого следует, что существование постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека в какой-либо стране само по себе не является достаточным основанием для признания того, что конкретному лицу будет угрожать опасность применения пыток по возвращении в эту страну; должны быть приведены дополнительные основания для демонстрации того, что такая опасность будет угрожать данному лицу лично. И наоборот, отсутствие постоянной практики

вопиющих нарушений прав человека не означает, что то или иное лицо в тех или иных конкретных обстоятельствах не может подвергнуться пыткам⁸.

9.4 Комитет ссылается на свое замечание общего порядка № 4 (2017) об осуществлении статьи 3 Конвенции в контексте статьи 22, в соответствии с которым Комитет оценит наличие «серьезных оснований» и будет считать опасность применения пыток предсказуемой, личной, существующей и реальной, если наличие достоверных фактов, касающихся непосредственно опасности, на момент принятия им решения будет затрагивать права заявителя по Конвенции в случае его или ее высылки.

9.5 Комитет принимает к сведению утверждение заявителя о том, что семья погибшего сотрудника полиции объявила ему кровную месть, его попытки примирения, которые оказались безуспешными, и его опасения преследований и пыток. Комитет также принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что оно считает факт кровной мести правдивым и что власти Российской Федерации не могут обеспечить защиту заявителя в подобном случае. Комитет далее принимает к сведению доводы государства-участника о том, что угрозы исходят от негосударственных субъектов, и его предложение заявителю воспользоваться общепринятой практикой найти убежище у себя в стране и переселиться в другой район Российской Федерации, помимо Чечни, без указания подходящего района.

9.6 Комитет отмечает, что, исходя из предположения о наличии у заявителя альтернативы найти убежище в своей стране, государство-участник не в полной мере изучило его утверждения о потенциальных угрозах, связанных с его прошлой деятельностью, в том числе утверждение об объявленной ему кровной мести. Комитет напоминает в этой связи, что альтернативный вариант с поиском убежища внутри страны или переселением не является надежной и долгосрочной альтернативой в тех случаях, когда отсутствие защиты является общераспространенным явлением и соответствующее лицо может подвергнуться дополнительной опасности преследования или риску серьезного ущерба⁹. Кроме того, исходя из предположения о возможности найти убежище в своей стране, государство-участник должным образом не изучило представленную заявителем справку о том, что он объявлен в розыск российскими властями, назвав ее «простым клочком бумаги».

9.7 Кроме того, Комитет напоминает, что, согласно пункту 30 его замечания общего порядка № 4, государствам-участникам в равной степени следует воздерживаться от депортации лиц в другое государство, если существуют серьезные основания полагать, что им угрожает опасность подвергнуться пыткам или другим видам неправомерного обращения со стороны негосударственных образований, в том числе групп, которые незаконно осуществляют действия, причиняющие сильную боль или страдания в целях, запрещаемых Конвенцией, и в отношении которых государство пребывания не имеет фактического контроля либо имеет его лишь частично, или действия которых оно не в состоянии предотвратить, или безнаказанности которых оно не в состоянии противодействовать. Комитет считает, что так называемая «возможность найти убежище внутри страны», т. е. депортация лица или жертвы пыток в район государства, где это лицо не будет подвергнуто пыткам, в отличие от других областей того же государства, не является надежной или эффективной¹⁰. Поэтому Комитет считает, что, отклоняя ходатайства заявителя о предоставлении убежища на основании предположения о наличии альтернативы «найти убежище внутри страны» и не придавая достаточного значения тому, что заявитель и его дети могут подвергаться преследованиям со стороны негосударственных субъектов, в отношении которых государство не имеет фактического контроля либо имеет его лишь частично, государство-участник нарушило свои обязательства только по статье 3 Конвенции.

⁸ *М.С. против Дании* (CAT/C/55/D/571/2013), пункт 7.3.

⁹ *Мондаль против Швеции* (CAT/C/46/D/338/2008), пункт 7.4; *М.К.М. против Австралии* (CAT/C/60/D/681/2015), пункт 8.9; и Замечание общего порядка № 4, пункт 47.

¹⁰ Замечание общего порядка № 4, пункт 47.

10. В свете вышеизложенного Комитет, действуя в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции, делает вывод, что высылка заявителя и двух его несовершеннолетних детей в Российскую Федерацию стала бы нарушением статьи 3 Конвенции.

11. Комитет считает, что государство-участник обязано в соответствии со статьей 3 Конвенции воздержаться от принудительного возвращения заявителя и двух его несовершеннолетних детей в Российскую Федерацию или любую другую страну, где существует реальная угроза их высылки или возвращения в Российскую Федерацию. В соответствии с пунктом 5 правила 118 своих правил процедуры Комитет предлагает государству-участнику в течение 90 дней с даты препровождения настоящего решения информировать Комитет о мерах, принятых им в связи с вышеизложенными соображениями.
